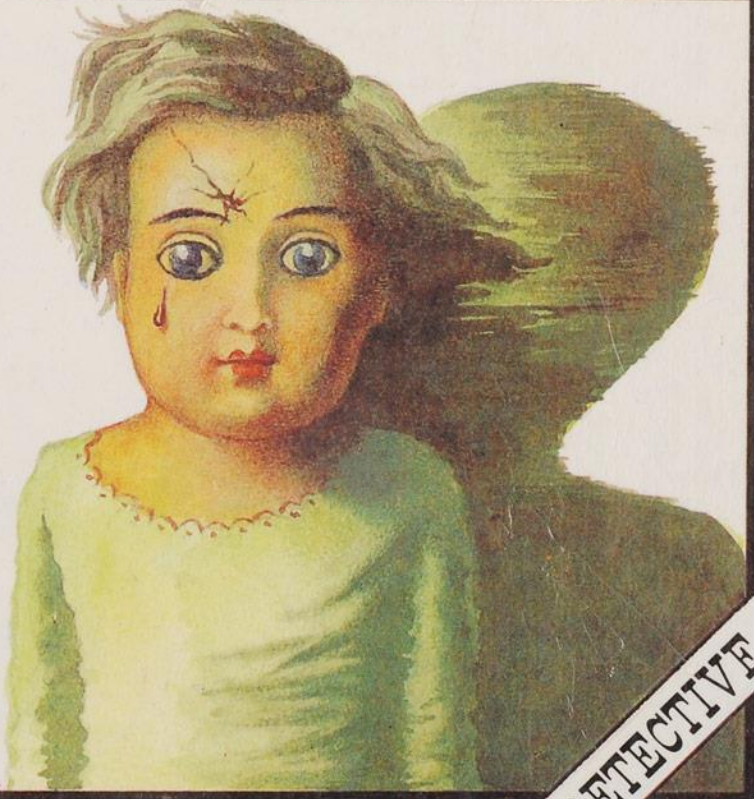
Агата Кристи

Рекс Стаут

Жорж Сименон

Фредерик Дар

Джон Диксон Карр



E · DETECTIVE · DET

Сборник детективных романов
ISBN: 5-85020-095-9
М. 1992 г.
Издательство: Бук чембэр интернэшнл (Book Chamber International)
384 стр.
Формат: 84x108/32
Тираж: 100000 экз.
Твёрдый переплёт
Язык: Русский
Художник: Пётр Иващенко
Художественный редактор: Н. Рудакова
Технические редакторы: Т. Новрузова, М. Столярова
Корректор: Л. Гордеева
Ответственный за выпуск: А. Рыбакова

Содержание:

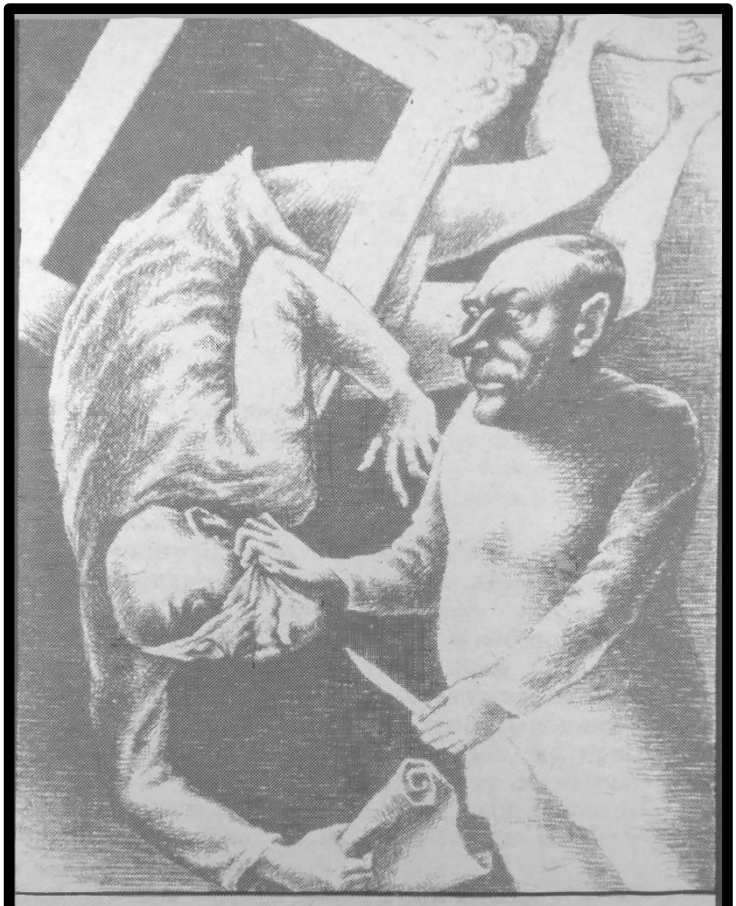
Агата Кристи. Война Роз
Перевод: М. Корнеев, М. Смирнова ..... стр. 5–169

Рекс Стаут. Убийство полицейского
Перевод: Н. Трегубенко ..... стр. 171–233

Жорж Сименон Рождество Мегрэ
Перевод М. Каминарской, Ш. Коштиала ..... стр. 235–283

Фредерик Дар. Грузовой лифт
Перевод Ш. Коштиала ..... стр. 285–357

Джон Диксон Карр. Опрометчивый взломщик
перевод М. Каминарской ..... стр. 359–375



Джон Диксон Карр

ОПРОМЕТЧИВЫЙ ВЗЛОМЩИК

Двое гостей, которые не оставались ночевать в Кранлей-Корте, ушли сразу после одиннадцати. Маркус Хант проводил их до двери и вернулся в столовую, где покерные колоды еще не были аккуратно сложены в белые, красные и синие стопки.

— Еще одну партию? — предложил Рольф.

— Не стоит,— отозвался Дерек Хендерсон. Его голос казался, как всегда, немного усталым.— Нас всего трое.

Хозяин дома стоял возле буфета и наблюдал за гостями. Длинный, низкий дом, напоминающий замок Кент, был так спокоен, что их голоса звучали пугающе громко. Столовая — большая, обшитая деревянными панелями комната, была освещена настенными бра, которые подчеркивали темные краски картин. Не часто встретишь в одной комнате, а тем более в заурядном загородном доме, двух Рембрандтов и Ван Дейка. Что-то не то было в этих трех знаменитых холстах.

Для маклера Артура Рольфа они казались целым состоянием, величина которого заставляла его содрогнуться. Для Дерека Хендерсона они не составляли проблемы. Чем они были для самого Маркуса Ханта — неизвестно.

Хант стоял возле буфета, засунув руки в карманы, и улыбался. Это был плотный, кряжистый человек с круглым розовым лицом. Добавь ему пучки бакенбардов, и он стал бы похож на датского бюргера, созданного для датских парикмахерских. На животе его рубашка неаккуратно оттопыривалась. С ироническим восхищением он наблюдал, как Хендерсон, играя колодой карт, длинными пальцами разделил ее надвое и быстрым движением больших пальцев перетасовал веером, заставляя карты соединиться как в цирковом фокусе.

Хендерсон зевнул.

— Мой мальчик,— констатировал Хант,— вы удивляете меня.

— Именно это я и старался сделать,— ответил Хендерсон по-прежнему устало. Он поднял глаза.— А почему вы это так особенно говорите?

Хендерсон был молод, высок и худ, он был безупречен и носил бороду. Эта рыжая борода веселила многих своим комическим видом. Впрочем, он носил ее совершенно естественно.

— Я был удивлен,— продолжал Хант,— что вам нравится такая буржуазная, такая плебейская игра, как покер.

— Мне нравится разгадывать характеры,— ответил Хендерсон.— Лучший способ для этого — покер.

Хант прищурился:

— О? А вы можете, к примеру, рассказать о моем характере?

— С удовольствием,— отозвался Хендерсон. Механически он сдал себе три карты картинками вверх. Там были две пятерки, а последняя — туз пик. Несколько минут Хендерсон внимательно смотрел, а потом опять поднял голову.

— И я могу сказать,— начал он,— что вы удивили меня. Вы не станете возражать, если я буду искренен? Я всегда думал о вас, как о колоссе Бизнеса, азартном игроке, человеке с сильным ударом, парне, который использует все шансы. А вы оказались совсем не таким.

Маркус Хант рассмеялся, но Хендерсон не остановился:

— Вы хитрите, но осторожно. Я сомневаюсь — рисковали ли вы когда-нибудь. Еще один сюрприз,— он сдал себе несколько карт,— это присутствующий здесь мистер Рольф. Это человек, который может рискнуть в соответствующих обстоятельствах.

Артур Рольф принял эти слова к сведению. Он выглядел одновременно испуганным и польщенным. По росту и комплекции он был типа Ханта, но все в нем дышало аккуратностью. У него было квадратное смуглое лицо, тонкая оправа очков и наморщенный подбородок.

— Сомневаюсь,— объявил он слишком серьезно. Потом улыбнулся.— Тот, кто рискует в моей профессии, может оказаться в затруднительном положении,— он обвел взглядом комнату.— Во всяком случае я бы поостерегся держать три картины, стоящие около тридцати тысяч фунтов, в незащищенной комнате на первом этаже окнами на террасу,— в его голосе прозвучала нотка бешенства.— Великий Боже! Представьте взломщика...

— Проклятие! — неожиданно вырвалось у Хендерсона.

Даже Хант подпрыгнул.

С самой партии в покер напряжение в компании росло. Хант взял яблоко из серебряной вазы на буфете и начал чистить его фруктовым ножом. Острое лезвие блестело в свете ламп.

— Я почти отрезал палец из-за вас,— проворчал он, откладывая нож.— Что с вами?

— Опять туз пик,— ответил Хендерсон уже вяло.— Он выпадает второй раз за последние пять минут.

— Ну и что? — решил показаться глупым Артур Рольф.

— Думаю, наш юный друг — психолог,— снова с юмором заметил Хант.— Вы только читаете характеры или даже предсказываете будущее?

Хендерсон заколебался. Он посмотрел на Ханта, затем перевел глаза на стену над буфетом, где рембрандтовская «Старуха в чепце» отвечала неподвижным взглядом и отблесками красной кожи индеанки. Потом Хендерсон взглянул в сторону французских окон, открытых на террасу.

— Это не мое дело,— пожал плечами,— это ваш дом, ваша коллекция и ваша забота. Но этот парень — Батлер...— что вы о нем знаете?

Маркус Хант выглядел заметно удовлетворенным.

— Батлер? Это друг моей племянницы. Харриет подхватила его где-то в Лондоне и попросила меня пригласить его сюда. Чепуха! С ним все в порядке. А что вы думаете конкретно?

— Послушайте! — сказал Рольф, подняв руку.

Шум, который они услышали со стороны террасы, не повторился. Он не повторился, потому что человек, который его произвел,— изумленная и смущенная девушка,— пробежала легко и быстро к дальнему концу террасы, где и оперлась на балюстраду.

Льюис Батлер немного поколебался, прежде чем пойти за ней. Лунный свет был таким ярким, что виднелась известковая основа между плитками, покрывавшими террасу, и прослеживался строгий рисунок урн на балюстраде. Харриет Дэвис была в белой рубашке и тонких брюках, которые она слегка приподнимала, пока бежала, чтобы не испачкать в земле.

Затем она кивнула ему.

Она полусидела, облокотившись о перила. Темные волосы и темные глаза казались еще более ясными при лунном свете. Он заметил, как быстро поднималась и опускалась ее грудь, залюбовался контуром тени ее ресниц.

— Но это же ложь! — воскликнула она.

— Что именно?

— То, что сказал мой дядя Маркус. Вы слышали его.—

Ее пальцы еще больше сжали перила, она страстно и обвинительно кивнула.— О том, что я вас знаю. И пригласила сюда. Я никогда не видела вас до этого уик-энда. Или дядя Маркус сходит с ума, или... Вы мне ответите на один вопрос?

— Если смогу.

— Очень хорошо. Вы случайно не вор?

Она говорила так просто и прямо, будто интересовалась, врач он или юрист. Льюис Батлер был достаточно мудр, чтобы не рассмеяться, ведь она находилась в том настроении, когда захохотать было все равно что насыпать соль на свежую рану. Она, пожалуй, могла залепить ему пощечину.

— Если быть совершенно честным,— ответил он,— нет. А почему вы спрашиваете?

— Этот дом,— начала она,— стоит на охране. Только дотронешься до окна, все начинает звенеть, как пожарная машина. На прошлой неделе он выключил охрану. На прошлой неделе,— она сняла руки с перил и сложила их,— картины были наверху в запертой комнате рядом со спальней. Он перевесил их вниз. На прошлой неделе. Все выглядит так, будто дядя хочет, чтобы его дом ограбили.

Батлер понял, что и тут надо проявить такт.

— А может быть, он именно этого хочет (при этих словах она быстро взглянула на него, но никак их не прокомментировала). Например,— продолжал он лениво,— представьте себе, что один из знаменитых Рембрандтов — подделка? Кража — прекрасная возможность не показывать его экспертам.

Девушка покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Они все подлинники. Я об этом тоже думала.

Теперь пришло время ударить, и ударить тяжело. Для Льюиса Батлера с его простотой это не составляло особой проблемы. Он достал портсигар и стал вертеть его в руке.

— Видите ли, мисс Дэвис, вам это, наверное, не понравится, но есть много случаев, когда человек даже рад, чтобы его обокрали. Если картина застрахована на большую сумму, чем она стоит, а потом в одну прекрасную ночь она таинственно исчезает...

— Это было бы неплохо,— мгновенно ответила Харриет,— если не считать того, что ни одна из этих картин не застрахована.

Портсигар из полированного металла выпал у Батлера из рук и со звоном упал на каменный пол. Сигареты рассыпались так же, как его теории. Когда он нагнулся, церковные часы пробили половину двенадцатого.

— А вы в этом уверены?

— Совершенно уверена. Они не застрахованы ни на пенни. Он говорит, что это пустая трата денег.

— Но...

— О, я знаю. Не понимаю только, почему я разговариваю с вами таким образом. Вы ведь чужой,— она обняла себя руками за плечи, будто ей было холодно.— Но тогда и дядя Маркус чужой... Знаете, что я думаю? Я думаю, что он сходит с ума!

— Неужели все так серьезно?

— Ну, продолжайте,— девица почти набросилась на него.— Скажите: продолжайте и скажите. Это очень просто. Только вы не видели, как его глаза становятся маленькими, а с лица слетает весь этот вид провинциального эсквайра. Он не фальшивка. Он ненавидит фальшивки и делает все, чтобы о них узнали люди. Но если он не сходит с ума, то что же с ним происходит? Что он задумал?

Примерно через три часа они узнали это.

Взломщик не появлялся до половины третьего утра. Сначала он выкурил несколько сигарет в зарослях кустарника у задней террасы. Услышав удары часов на церковной башне, он подождал несколько минут и стал красться в сторону французских окон столовой.

Холодный ветер взбаламутил остаток ночи — час самоубийств и дурных снов. С тихим шелестом он ровнял траву и деревья. Когда человек оглянулся, отблеск лунного света упал ему на лицо, впрочем, это было не лицо, а круг матерчатой маски, натянутой на самые уши кепкой.

Он начал работу над средним окном с помощью походного набора инструментов, поменьше того, что бывают у мотоциклистов. Два кусочка клейкой ленты он прилепил на стекло в том месте, где была щеколда, потом стеклорезом прочертил небольшой круг.

Действие не обошлось совсем без шума — стекло хрустнуло, как инструмент дантиста в зубе. Человек остановился и прислушался.

Так как пластырь придерживал стекло, оно не упало и не разбилось. Мужчина сунул руку в перчатке в отверстие и открыл щеколду.

Он точно знал, чего он хочет. Положив инструменты в карман, он вынул оттуда фонарик. Луч света скользнул по буфету, дотронулся до блестящего серебра, до вазы с фруктами, поиграл маленьким ножом, который был воткнут в яблоко, как в чье-то тело. Наконец он приблизился к ведьминскому лику «Старухи в чепце».

Это была небольшая картина, и вор легко снял ее со стены. Освободив холст от рамы и стекла, он стал скручивать его с большими предосторожностями, но на хрупкой краске все равно появились мелкие звездочки, ранившие лицо старухи. Взломщик был так увлечен этим занятием, что не заметил присутствия другого человека в комнате.

Он был опрометчивый взломщик — у него не было шестого чувства, которое чует смерть...

Выше, на втором этаже, Льюис Батлет проснулся, разбуженный приглушенным звуком, с каким падают металлические предметы. Всю ночь он провел в полусне. Он отчетливо знал, что должно было произойти, хотя и не представлял пока — почему, как и с кем.

Батлер вскочил с кровати и был уже в тапочках, как только услышал первый признак шума снизу. Конечно, сейчас халат будет вести себя, как перекрученный зонт в дождь, и сопротивляться всяким попыткам найти рукава, как всегда, когда Батлер торопился. Но маленький фонарик был наготове в кармане.

Казалось, шум больше никого не разбудил. При прочих равных условиях никогда в жизни Льюис не двигался бы так быстро. После того как ему удалось выбраться из спальни, не зажигая свет, он мгновенно и бесшумно миновал два пролета покрытой ковром лестницы. В холле внизу ощущался легкий сквозняк. Это означало, что где-то была открыта дверь. Он направился к столовой.

Но Батлер опоздал.

Обежав комнату карандашиком яркого луча, он зажег все огни. Вор был по-прежнему здесь. Уже хорошо. Но он лежал очень спокойно перед буфетом. А если судить по забрызганному кровью свитеру, ему не суждено было больше подняться.

— Дело сделано,— громко сказал Батлер.

И серебряный сервиз, и даже самовар были опрокинуты с буфета. Мертвый человек лежал там, где упала ваза с фруктами,— среди раскатившихся апельсинов, яблок и виноградного месива. Маска все еще скрывала лицо грабителя, кепка по-прежнему была надвинута глубоко на уши, а руки в перчатках широко раскинуты.

Осколки стекла, закрывавшего картину, и пустая рама валялись рядом с ним, тут же была и полусвернутая «Старуха в чепце». По расположению пятен крови можно было догадаться, что вор был убит в грудь валявшимся рядом фруктовым ножом.

— Что это? — неожиданно произнес голос почти в самое ухо Батлеру.

Он бы удивился меньше, если бы ему воткнули фруктовый нож под ребро. Он не видел, что в холле уже горел свет, не слышал и приближения Харриет Дэвис. Она стояла прямо позади него, кутаясь в японское кимоно, с рассыпавшимися по плечам темными волосами. Когда Батлер рассказал ей, что произошло, она не заглянула в столовую, но оглянулась назад, встряхивая головой, как воробей, готовящийся к полету.

— Вы бы лучше разбудили дядю,— сказал Батлер быстро и с той толикой интимности, которую он сам даже не почувствовал.— И слуг. А мне надо позвонить.— Потом он посмотрел ей в глаза.— Да, на вас можно положиться. Думаю, вы уже обо всем догадались. Я — офицер полиции.

Она кивнула.

— Да, я догадалась, кто вы. И что — вас зовут действительно Батлер?

— Я сержант отдела криминальных расследований. Мое имя Батлер, и меня пригласил сюда ваш дядя.

— Почему?

— Не знаю, он не вдавался в подробности.

Ее быстрая реакция, помноженная на страх, была прямой и приводящей в замешательство:

— Да, но если он не объяснил, зачем он пригласил полицейского, то как они вас послали? Он должен был бы объяснить все вашему начальству, не так ли?

Батлер проигнорировал замечание.

— Мне надо видеть вашего дядю. Пожалуйста, пойдите наверх и разбудите его.

— Не могу,— ответила она.— Дяди Маркуса нет в комнате.

— Нет в...

— Нет. Я постучала в дверь, когда спускалась. Он ушел.

Батлер в три прыжка одолел лестницу. Харриет зажгла весь свет, но ничто не шевельнулось в мрачных разукрашенных пролетах.

Спальня Маркуса Ханта была пуста. Его смокинг был аккуратно повешен на спинку стула, рубашка лежала на сиденьи, воротничок и галстук — поверх нее. На туалетном столике громко тикали часы. Деньги и ключи тоже были тут. Но спать Хант не ложился — кровать осталась нетронутой.

Подозрение, которое озарило Льюиса Батлера, пока он слушал назойливое тиканье часов в этот смутный предрассветный час,— это подозрение было настолько фантастическим, что он даже не принял его всерьез.

Спустившись вниз, он встретил Артура Рольфа,

вышедшего в холл из другой спальни. Приземистая фигура маклера была запахнута во фланелевый халат, он был без очков, и это придавало его лицу туманное и растерянное выражение. Он вырос перед Батлером, не решаясь шевельнуться.

— Да,— сказал Батлер.— Можете даже не спрашивать. Это взломщик.

— Я так и знал,— констатировал Рольф спокойно.— Он что-нибудь взял?

— Нет. Его убили.

Мгновение Рольф молчал, потом спрятал руку за пазуху на грудь, будто у него заболело сердце.

— Убили? Вы имеете в виду, что в з л о м щ и к был убит?

— Да.

— Но почему? У него был сообщник? А кто грабитель?

— А это,— прорычал Льюис Батлер,— я и собираюсь выяснить.

В нижнем холле он нашел Харриет Дэвис. Теперь она стояла в дверях столовой и не отрываясь смотрела на тело у буфета. Лицо ее было неподвижно, а глаза почти вылезли из орбит.

— Теперь вы снимете с него маску? — спросила она, не поворачиваясь.

Осторожно переступая, чтобы не задеть раздавленных фруктов и битого стекла, Батлер наклонился над покойником. Он оттянул скользкий козырек кепки, стащил черную тряпичную маску, которая неуклюже держалась на эластичном бинте, и увидел то, что с ужасом предполагал увидеть.

Грабитель — Маркус Хант — был пронзен в самое сердце при попытке обворовать собственный дом.

— Видите ли, сэр,— объяснял Батлер на следующий день доктору Гидеону Феллу,— это несчастный случай. Как ни посмотри, в этой истории нет смысла.

Он снова прошелся по фактам:

— Зачем человек станет грабить родной дом и красть свою собственность? Каждая из этих картин очень ценная, и ни одна не была застрахована. Следовательно, почему? Может, он просто лунатик? О чем он думал?

Деревня Сатто-Вэленс, раскинувшаяся, как серо-белый итальянский город, вокруг самого пика Вельда, была полна горячего солнечного света. В яблоневом саду позади гостиницы «Табард» за садовым столиком среди ос сидел доктор Гидеон Фелл с кружкой пива. Его обширное тело было одето в белую льняную куртку, розовое лицо дымилось от

жары, а опасливое наблюдение за осами придавало ему почти скорбный вид. Он размышлял.

Потом сказал:

— Управляющий Хадлей предположил, что мне захочется — гм,— заглянуть сюда. Местная полиция занялась делом?

— Да. Я остаюсь здесь просто так.

— Вот точные слова Хадлея: «Это все настолько странно, что никто, кроме вас, не разберется». Лесть в наши дни стала еще тошнотворней,— доктор Фелл нахмурился.— Так. А что-нибудь еще вам показалось подозрительным в этом деле?

— Почему человек грабит собственный дом?

— Нет-нет,— проворчал доктор Фелл.— Не зацикливайтесь. Вы будто загипнотизированы этим фактом. Например...— Оса появилась возле его кружки, но он надул щеки и смахнул ее одним выдохом Нептуна.— Например, молодая леди подняла интересный вопрос. Если Маркус Хант не объяснил, зачем ему нужен детектив, то как в управлении решились вас послать?

Батлер пожал плечами.

— Потому что,— объяснил он,— главный инспектор Амес думал, что Хант затевает забавное дельце, и решил предотвратить его.

— В каком смысле?

— Инсценировать кражу — похитить собственные картины и получить страховку. Все выглядело, как старая знакомая игра — пригласить полицию, чтобы отвести от себя подозрения. Другими словами, сэр, я так и думал, пока не узнал, а теперь и проверил, что ни одна из этих проклятых картин не была застрахована ни на грош.

Батлер поколебался.

— Это все не похоже на шутку,— наконец продолжил он.— Смотрите, какая подготовка! Хант надел старую одежду, откуда были спороты все ярлыки и отметки прачечной. Он надел перчатки и маску. Он вооружился фонариком и современным воровским снаряжением. Он вышел из дома через заднюю дверь — мы позже нашли ее открытой. Выкурил несколько сигарет в кустах у террасы — мы отыскали следы на мягкой земле. Он вырезал кусок стекла... Впрочем, я все это уже вам рассказывал.

— А потом,— закончил, размышляя, доктор Фелл,— кто-то убил его.

— Это последнее и худшее почему. Почему кому-то понадобилось убить его?

— Гм. Какие-нибудь предположения?

— Никаких.— Батлер достал свой блокнот.— Медицинская экспертиза показала, что он умер от прямого удара в сердце острым предметом (предположительно, фруктовым ножом), таким тонким, что рану трудно было найти. Есть его отпечатки пальцев, но ничьих больше. Хотя, вот еще что. Несколько предметов серебряного чайного сервиза с буфета странно поцарапаны. Похоже, что их не смахнули в борьбе, а сложили башней и потом столкнули вниз.

Батлер прервался, потому что доктор Фелл качал головой туда-сюда с выражением гаргантюанской усталости.

— Так-так,— бормотал он,— так-так. И вы считаете, что нет интересных наблюдений?

— Да, но это никак не объясняет, почему человек решил ограбить свой дом.

— Послушайте,— начал доктор мягко.— Я хочу задать вам один вопрос. Что самое важное во всей этой истории? Минуточку! Я не сказал — самое интересное — я сказал — самое важное. Без сомнения, тот факт, что человек был убит?

— Да, сэр. Естественно.

— Я упомянул этот факт,— заметил доктор извиняющимся тоном,— потому что, мне кажется, наметилась опасность увидеть главное. Вы целиком сосредоточились на бессмысленном маскараде Ханта. Вы игнорируете, что вспорот живот, но обращаете внимание на синяк на ноге. Почему бы не подойти к делу с другой стороны и спросить: кто убил Ханта?

Батлер долго молчал.

— Слуги тут ни при чем,— произнес он, наконец.— Они спят в другом крыле на верхнем этаже и по непонятным причинам,— он поколебался,— в ту ночь их кто-то запер.— Его сомнения и страхи начали обретать форму.— Был здоровый скандал из-за этого, когда все в доме проснулись. Конечно, убийцей мог быть и посторонний...

— Вы же знаете, что нет,— заметил доктор Фелл.— Отвезите-ка меня в Кранлей-Корт.

Они оказались на террасе в самую жаркую часть дня.

Доктор Фелл сел на плетеный диванчик рядом с удрученной Харриет. Дерек Хендерсон в спортивных фланелевых брюках взгромоздил свою длинную фигуру на балюстраду. Один Артур Рольф был в темном костюме и казался не на своем месте. Для бледной зелени и охры кентских земель, которые редко озаряют яркие краски, наступил момент полыхания. Ни ветерка, ни один листочек не дрожал в брил-

лиантовой гуще жары. Внизу, в саду, слева от террасы гладь бассейна отражала тяжелый горячий свет. Батлер чувствовал, как он давит на веки.

Борода Дерека Хендерсона выражала одновременно вялость и агрессивность.

— В общем, хорошего мало,— начал он.— Только перестаньте меня спрашивать, почему Хант решил ограбить свой дом. Впрочем, я могу кое-что предположить.

— Что же? — поинтересовался доктор Фелл.

— Какова бы ни была причина,— продолжал Хендерсон, вытягивая шею,— это была серьезная причина. Хант был слишком хитрым и осторожным, чтобы делать что-либо без причины. Я еще сказал ему об этом накануне вечером.

— Осторожный? — резко переспросил доктор Фелл.— Почему вы сказали ему об этом?

— Ну вот, к примеру. Я вытягиваю три карты, Хант берет одну. Я назначаю ставку, он принимает вызов и поднимает ее. Я крою и тоже увеличиваю, Хант пропускает. Ясно, что у него рука полна козырей, но он не уверен насчет меня. Он снова пропускает. Я со своими тремя семерками блефую и он сдается, хотя выигрыш сам плыл в руки. И так он сыграл дюжину партий за вечер.

Хендерсон хихикнул. Увидев выражение лица Харриет, он исправился и стал сверхъестественно серьезен.

— Впрочем, конечно,— добавил он,— у Ханта было слишком много всего на уме в прошлый вечер.

Никто не мог не заметить перемены его тона.

— И что же? Что же у него было на уме?

— Вывести на чистую воду кого-то, кому он раньше доверял,— ответил Хендерсон холодно.— Потому-то я и не люблю, когда туз пик выпадает так часто.

— Лучше объяснитесь,— потребовала Харриет после паузы.— Не знаю, на что вы намекаете, но лучше объяснитесь. Он вам сам говорил, что собирается разоблачать кого-то, кому всегда доверял?

— Как и я, он лишь намекнул.

Следующим вступил в разговор флегматичный Рольф. У него был вид человека, который упорно старается придерживаться общего разговора, но делает это с большим трудом.

— Послушайте меня,— пролаял он.— Я много слышал сейчас и раньше о том, что Хант любит выводить на чистую воду.— Его рука скользнула за пазуху в характерном жесте.— Но где логика? Он хочет кого-то подловить. А делает это, надевая странную одежду и маскируясь под грабителя.

Это что, нормально? Говорю вам, он был сумасшедшим! Нет других объяснений.

— Предположим, что есть еще пяток объяснений,— заметил доктор Фелл.

Дерек Хендерсон медленно встал со своего места, но сел назад, повинуясь резкому жесту Рольфа.

Все молчали.

— Я, конечно, не стану,— продолжал доктор Фелл,— занимать ваше время, перечисляя их все. Мы остановимся на главном объяснении — настоящем.

— А вы его знаете? — резко спросил Хендерсон.

— Думаю, да.

— Давно ли?

— С тех пор, как получил возможность взглянуть на всех вас,— ответил доктор Фелл.

Он так тяжело откинулся на плетеном диванчике, что тот заскрипел и захрустел, как судно в морскую бурю. Его массивный подбородок был выставлен вперед, и иногда он отсутствующе кивал, будто для того, чтобы подчеркнуть что-то, только ему очевидное.

— Я уже говорил с местным инспектором,— неожиданно продолжил он,— он будет здесь через несколько минут. И, думаю, как я ему посоветовал, он потребует от вас кое-что. Искренне надеюсь, что никто не откажется.

— Потребует? — возмутился Хендерсон.— Что потребует?

— Сегодня очень жаркий день,— ответил доктор Фелл, поглядывая в сторону бассейна,— он предложит вам всем искупаться в бассейне.

Харриет издала вздох отчаяния и повернулась, как бы апеллируя к Льюису Батлеру.

— Это,— невозмутимо говорил доктор Фелл,— будет самый вежливый способ привлечь внимание к убийце. Тем временем прошу вас подумать об одном пункте среди улик, который все просмотрели. Мистер Хендерсон, знаете ли вы что-нибудь о прямых ранах в сердце, сделанных тонким стальным предметом?

— Как у Ханта? Нет. А что?

— Они почти не кровоточат,— ответил доктор Фелл.

— Но! — начала Харриет, но Батлер остановил ее.

— Конечно, полицейский сержант внимательно осмотрел эту рану, он даже нашел ее с трудом. Жертва умирает почти сразу, и края раны смыкаются. Но в этом случае,— спросил доктор Фелл,— как же получилось, что мистер Хант был весь в крови — и свитер и брюки.

— И как?

— А никак,— просто ответил Фелл.— Его кровь никогда не проливалась на одежду.

— Ну, знаете, это невыносимо! — заявила Харриет, вскакивая.— Извините, но вы-то в своем уме? Или вы считаете, что мы не видели своими глазами, как он лежал у буфета весь в крови?

— О, да. Вы это видели.

— Дайте ему закончить,— потребовал Хендерсон, у него даже побелели ноздри.— Пусть бредит.

— Допускаю, что это кажется вам дикостью,— заметил доктор Фелл,— но отвечает на ваш вопрос, повторяющийся до тошноты,— почему очень благоразумный мистер Хант нарядился в одежду грабителя и сыграл взломщика. Ответ простой — он этого не делал.

— Каждому должно быть ясно,— рассказывал доктор Фелл, широко раскрыв глаза,— что мистер Хант намеренно расставил кому-то ловушку — ловушку настоящему вору.

— Он точно знал, что некто определенный попробует украсть одно или несколько полотен. Он также знал, что этот некто уже проделывал подобные штуки раньше в других загородных домах, он делал это изнутри, а инсценировал как внешнее ограбление. Итак, он облегчил вору ситуацию, чтобы заманить его в капкан, для этого и понадобился в доме полицейский.

Вор, несчастный дурак, попался на удочку. Он, гость в доме, дождался двух часов ночи, надел старую одежду, маску, перчатки, все остальное. Он вышел через заднюю дверь, потом проделал все то, что мы ошибочно приписывали Маркусу Ханту. Потом ловушка захлопнулась. Едва занявшись Рембрандтом, он услышал шум, включил свет и увидел Маркуса Ханта в пижаме и халате, наблюдающего за ним.

Да, произошло сражение. Хант налетел на него. Вор схватил фруктовый нож и оборонялся. В драке Маркус Хант оттолкнул руку соперника и ножиком поранил его грудь. Рана оказалась неопасной, но кровь хлестала вовсю. Тут вор потерял всякое благоразумие. Он схватил Ханта за руку, почти вывихнул ему кисть и ударил его в сердце.

Затем в спящем доме при слабом освещении карманного фонарика вор заметил, что его может выдать — кровь на его одежде. Как избавиться от этого тряпья? Он не может его уничтожить, не может вынести его из дома. В доме неизбежно будет обыск и все найдут. Без пятен крови — это обычная одежда в его гардеробе. Но в крови...

Он мог сделать только одно.

Харриет Дэвис стояла позади плетеного диванчика, прикрывая глаза от солнца. Ее рука не дрогнула, когда она сказала:

— Он поменялся с дядей одеждой.

— Именно так,— проворчал доктор Фелл.— Вот и вся печальная история. Убийца одел труп в свой костюм, проделал дырку в свитере, рубашке и майке. Потом он натянул пижаму Ханта и его халат, которые при желании мог выдать за свои. Рана Ханта не кровоточила. Его халат наверняка распахнулся в драке, так что вору пришлось беспокоиться лишь из-за небольшой дырочки в пижамной куртке.

Проделав все это, он должен был убедить всех, что времени для переодевания не оставалось, изобразить побоище, которое подняло на ноги весь дом. Он спихнул с буфета груду серебра и сбежал вверх по лестнице.

Доктор Фелл сделал паузу.

— Маркус Хант не мог быть грабителем,— добавил он,— еще и потому, что его отпечатки пальцев нашли везде, а убитый человек был в перчатках.

Тут раздался шум травы, производимый шагами человека, поступь тяжелых ботинок приближалась. Появился местный инспектор полиции, застегнутый на все пуговицы и изнывающий от жары в своей форме. С ним было два констебля.

Доктор Фелл повернулся с удовлетворенным выражением лица.

— Ага! — заключил он, глубоко вздохнув.— Полагаю, что они пришли поинтересоваться купанием. Легко залепить рану пластырем или даже закрыть носовым платком, но такое повреждение бросится сразу в глаза, если человека заставить влезть в бассейн.

— Но это же не может быть!..— закричала Харриет. Она обежала глазами вокруг и сжала руку Льюиса Батлера инстинктивным жестом, который он еще долго вспоминал, даже познакомившись с ней поближе.

— Конечно,— согласился доктор, сопя от удовольствия.— Это не мог быть высокий и худой мистер Хендерсон. Это не могла быть и маленькая слабая девушка вроде вас. Здесь есть только один человек того же роста и сложения, как Маркус Хант, тот, кто мог бы надеть его вещи безо всяких подозрений. Это тот, кто, даже остановив кровь, все время проводит рукой по груди, чтобы убедиться, что повязка не слезла. Вот так, как это сделал сейчас мистер Рольф.

Артур Рольф сидел очень спокойно, по-прежнему держа руку за пазухой. Его лицо покрылось пятнами от жары, но глаза за стеклами очков в тонкой оправе были непроницаемы. После того как все узнали правду, он заговорил лишь один раз сквозь сухие губы:

— Мне надо было принять к сведению предостережение этого щенка,— произнес он.— Именно он сказал, что я люблю сомнительный риск.